Тадей Рильський

К ИЗУЧЕНИЮ УКРАИНСКОГО НАРОДНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

(Початок статті у № 2, 2006 р.)

Часть II

Семейные отношения

В настоящем письме я хочу поделиться моими наблюдениями над семейными отношениями наших селян. Я уже говорил в предыдущем письме о том, какое ограниченное значение я придаю своему привносу в материал данного изучения; тем не менее я не решаюсь приступить к настоящему письму, не припомнив сказанного в этом отношении в предыдущем. Независимо от общих соображений, там высказанных, в данном случае есть специальные причины, побуждающие к осторожности в выводах и к отведению им подобающего скромного места. Дело в том, что между распространенными в народном же быту теоретическими формулами, касающимися семейных отношений и обыденным взглядом на живые, конкретные детали тех же отношений – существует, мне кажется, значительная разница. Рядом с этим идут постепенные, более или менее значительные, видоизменения во взглядах на разные детали, связанные с семейным бытом, причем детальные эти взгляды не только не сведены в какую-небудь более общую формулу, но и сами по себе не формулированы. Неоднократно вы заметите, что высказывающий тот или иной взгляд относиться к нему в некоторой мере, как к контрабанде мысли. Это и понятно. Санкционированная религией и гражданским законом формула семейных отношений не выработана местной народной жизнью, она внесена в нее готовою и внесена с такою торжественною санкциею, что общие ходячие теоретические формулы народные должны были с течением времени восприять основные положения этой формулы, но рядом с этим самым фактом теоретического признания этой формулы не могли окончательно атрофироваться инстинкты арийской расы с одной стороны, с другой – общие модификации приемов мышления не могли не коснуться тех или иных деталей народного воззрения на семейные отношения.

При таком общем положении дела трудность уравновешенного объективного изучения предмета значительно увеличивается; наблюдателю, желающему дать себе отчет среди разнообразия явлений данной сферы –

приходится поочередно пользоваться то ходячей формулой, то стоящими вне ее жизненными явлениями, проверяя одно другим и стараясь отыскать более или менее удовлетворительный синтез в области мышления народной массы, с которыми нас в такой значительной мере разобщили приемы мышления, вынесенные из нашего воспитания. Я говорю здесь об этом не только для того, чтобы еще раз подчеркнуть как далек я от надежды исчерпать данный предмет моими беглыми заметками, но и для того, чтобы указать метод, которого, мне кажется, нужно придерживаться в попытках к изучению его.

Первичный стимул семейных отношений – любовь между единицами разного пола – принимает различные формы в зависимости и от общего развития единиц, и от тех условий, в которых воспитывается данная специальная наклонность. Мне хочется сначала очертить в нескольких словах условия ее развития в среде нашего сельского люда. В этом отношении наши «игрища меж сел» составляют довольно цельную школу любви. Лишь только начнется «весна красна, из стрих вода капле» – наша сельская молодежь и подростки высыпают по вечерам на улицу, т.е. собираются в каком небудь месте на выгоне или на улице для игр и песен. В обширных селах собирается несколько улиц. Собрания эти, очевидно, ведут свое начало из очень отдаленной старины, и нельзя не заметить той связи, какую они имеют старинным чествованием времен года. Обрядовое приурочивание известных песен на улице к весне (веснянки), известных игр и песен к празднику Пасхи, не говоря уже о специальных обрядах и песнях на «Ивана Купала» (24 июня) и т.п., слишком ясно указывают на это. Прибавлю со всей осторожностью, подобающей профану, что и общий, крайне несложный, характер мелодии веснянок связывает в один общий музыкальный цикл веснянки, песни «велыкодни, купальни, весильни» и языческие колядки. Одним словом улица со всеми ее осенними и зимними вариациями под разными наименованиями, все то, что называют общим именем «вечорныци» – представляется нам с одной стороны как продукт народной жизни того отдаленного времени, когда она развивалась, не сталкиваясь с формулами более сильной чужой культуры, с другой стороны – как хранительница традиций по вопросу половых отношений, выработанных и перерабатывающихся на основании наклонностей расы и изменяющихся условий жизни данного племени. Оттуда непреоборимая притягательная сила улицы:

Ой на ваший, на улыци,

Ой на ваший кручи

Выгравалы чорты куци

Из улыци йдучы.

А на наший улыци,

Ой на наший ривний

Выгравали козаченьки

Воронымы киньмы.

Ой на нашу улыцю, на нашу!

(Из веснянки) (Для краткости я буду отмечать место записывания только песен и т.п. вне Романовки Сквирского уезда. Остальное относится к этому селу и ближайшим его окресностям).

Но не только козаченьки украшают улицу; в другой веснянке вот что говориться о дивчине:

Ой ты зиронька, та вечирняя

Чом ты рано не зиходыла,

Чом ты рано не зиходыла,

Чом ты мисяця не догоняла?

Ой Тим же я опизнылася,

Край Дунаю становылася,

Край Дунаю становылася,

На дивчыну заглядилася,

Там дивчына умывалася,

Лычком своим выхвалялася и т.д.

Но если зиронька загляделась на нашу дивчину – как не заглядеться на нее казакови, как не отзываться на зов: «ой на нашу улыцю, на нашу»!

И стекается на нее вся молодежь; она соблазн и украшение парубоцкой и дивоцкой воли:

Кому воля, а кому неволя,

А дивчатам уся воленька:

Як настане та недиленька

За стричечку, та за виночок,

На улыцю, тай у таночок.

Кому воля, а кому неволя,

А парубкам уся воленька:

За шапочку, та за дудочку,

На улыцю, та за дивочку.

(Из велыкодной песни)

И дорога нескончаемо эта молодая воля; женщины особенно чувствуют ее утрату. Есть множество песен, сопоставляющих веселую волю дивчины с тяжелыми хлопотами замужней женщины.

…….. молодыцям вся неволенька,

Як настане та недиленька:

Ой у печи та борщ бижыть,

А в колысци дытя крычыть,

А у синях порося пыщыть,

А в запичку та свекруха ворчыть,

А у хати чоловик лае.

(Из той же песни).

И молодыця часто, особенно в первое время замужней жизни, сетует о том, что «вже ж мени не ходыты на ти вечорныци». В одной из веснянок молодыця говорить:

Мисяць над горою,

Дивки на улыци…

Гей, доле, доле,

Дивки на улыци!...

А я молода

Коло печи стояла,

Коло печи стояла,

Свекруху благала:

Свекрухо-матинко,

Пусты на улыцю!..

Гей, доле, доле…

Пусты на улыцю.

– Хоть я тебе пущу,

Свекорко не пустыть.

И обращается молодыця и к «свекорку-батеньку», и к «диверку-братику», и к «зовыци-сестрыци», и к своему «мыленькому» (мужу) – и все напрасно…. гей, доле, доле…. улыця мынулась».

Я до сих пор живо помню (а много уже лет прошло с того времени) разговор на эту тему с одной моей знакомой в с. Маковищах (Киевского уезда). Я зашел в хату к ее родителям; Сыклита, недавно вышедшая замуж, зашла тоже навестить их. Она сидела у окна и пристально смотрела в него; вечерело, и девчата начинали собираться на улицу. Сыклита, говоря вообще, вышла замуж довольно удачно, и потому я удивился, видя, как ее глаза заволакиваются слезами. Я стал спрашивать ее о причине ее грусти; она печалилась об утрате дивоцкой воли, она не могла смотреть равнодушно, говорила она, на девчат, собирающихся на улицу. Она замолкла, продолжая смотреть в маленькое виконце батьковой хаты и потом вполголоса, про себя, как бы продолжая свои мысли в песенной форме, запела:

Ой пиду я лисом-бором,

Та стану я пид явором,

Ой стану я, послухаю:

А що за мене говорять.

И свекорко мене лае,

И свекруха проклынае,

И свекруха проклынае,

Мале дытя пропадае.

Временный перерыв в общем обычном запрете участвовать замужним женщинам в играх молодежи – составляют велыкодни игры. В моем селе они

продолжаются только один день, первый день Пасхи, в других недалеких 3 дня; в играх участвуют преимущественно девчата и в меньшей количественной доле молодые молодицы, но я помню, около тридцати лет тому назад я проводил праздник Пасхи в Полесском селе Майдан Лабужском (Волынской губ. Новоград-волынского уезда). Там эти игры продолжались несколько дней, чуть ли не целый велыкодный тыждень и в них принимали участие не только женщины, но и мужчины. К сожалению, я не помню содержания этих игр; в моей памяти осталась лишь картина оживленного праздничного сходбища народного, общий характер которого всего лучше определяется словами народной песни: «як мак процвитае». Игры эти свершаются в церковной ограде; в моей местности они продолжаются, как уже сказано, первый день Пасхи. В этот день мужская молодежь пользуется правом звонить целый день в церковные колокола, женская собирается для игр. Ее окружают зрители не только молодые парни, но и старшие обоего пола. Иная молодица, считающая уже неприличным принимать прямое участие в играх – так-таки и не выдержит, видя неумение девчат устроить какую-небудь более сложную игру – напр., крывый танец и, отдав грудное дитя кому-небудь, возьмет за руки предводительствующую дивчину и проведет для начала игру, а дружный хор девчачий припевает: «а крывого танця, та не выведу кинця» и т.д. И пойдет стройно извиваться в изгибах крывого танця пестрая, нарядная нызка девчат и молодыць, а старшие как-то задумчиво и весело вместе смотрят, да любуются на «молодейе-золотейе».

Не предпринимая здесь описания велыкодних игр вообще, я хочу указать на некоторые, имеющие более прямую связь с нашим предметом. В Романовке была когда-то в ходу, а теперь вышла из употребления, игра в короля. Я ее встречал около тридцати лет тому назад в с.Дударах, Каневского уезда. В народной среде она свершается так: образуется круг девчат, одна ходит посреди круга и действует сообразно со словами песни:

Король коло города ходыть,

Король всих дивок выбирайе.

Король! поклоныся нызенько,

Король! поцилуйсь хорошенько.

Поцелованная дивчина заменяет собою избравшую ее и игра продолжается.

Еще выразительнее игра в нелюба и мылого. В моей местности она так происходит: образуется кружок девчат, одна посредине выбирает по очереди

нелюба, потом мылого из того же кружка и действует во время припевания рефрена: «ой так, так» сообразно с содержанием песни, при чем платок исправляет должность постели:

Ой як, як, та нелюба выбираты?

– Ой так, так, ой так, так!

(Этот припев повторяется после каждого вопроса).

Ой як, як, коло нелюба сидаты?

Ой як, як, из нелюбом розмовляты?

Ой як, як, из нелюбом обниматься?

Ой як, як, из нелюбом цилуваться?

Ой як, як, нелюбому постиль слаты?

Ой як, як, та нелюба выпроважаты?

Вытолканная при взрыве веселого хохота дивчина, исправлявшая должность нелюба, становится в кружок; ее заменяет другая – мылый. Пение продолжается с тем же припевом:

Ой як, як, мыленького выбираты?

Ой як, як, коло мылого сидаты?

Ой як, як, из мыленьким розмовляты?

Ой як, як, из мыленьким обниматься?

Ой як, як, из мыленьким цилуваться?

Ой як, як, мыленькому постиль слаты?

Ой як, як, мыленького выпроважаты?

Нежно проведенная дивчина-мылый становится в кружок и этим заканчивается игра.

Мы видим здесь довольно полное наставление в делах любви и такой именно, каковою она понимается среди данного племени: без цинического поклонения половым инстинктам вне эстетического выбора и сердечного влечения, но и без ложного маскирования громадной жизненной силы, служащей точкою отправления данного чувства и целого ряда эстетических явлений.

Улица продолжается все лето, главным образом до жнив, более или менее оживляясь в зависимости от погоды и полевых работ. В песнях веснянка исчезает вместе с исчезновением самой ранней весны; песни поются разные; любовные, составляющие такой громадный процент малорусской песенности, конечно на первом плане. Выбор песен зависит отчасти от моды (в селе в продолжении известного времени – каких-небудь двух-трех месяцев – входит в моду какая-небудь песня или вновь принесенная, или давняя, долгое время заброшенная и вновь ожившая), отчасти выбор песен зависит и от личных свойств соучастников улыци. Свойства эти и наклонности, конечно, не одинаковы. Здесь вы встретите и ту дивчину, которая «як не выйде на улыцю, то й улыця тыха», и горделивые, недоступные типы в роде «йедыныци, вдовынои дочки», которая среднему парубку «не ривня»,

А як выйде на улыцю –

Як та короливна.

Ани за нею систы,

Ни заговорыты,

Тильки статы,

Шапку зняты,

На добры-день даты.

Иногда собрания сельской молодежи принимают более важный вид. Собираются в хате, что, впрочем, не особенно важно, но собираются при «найидках и напытках», точно какие-небудь «господари». В мои молодые годы в с. Маковищах (Киевского уезда) собрания эти назывались складкою и не были приурочены к каким небудь определенным дням; в Романовке (Сквирский уезд) они устраиваются на запуски и на Андрея. На собрания эти хлопцы поставляют горилку, девчата – закуску из материалов, добываемых правдою и неправдою из запасов материнских.

Помню я живо наши Маковские складки, хотя с того времени «воды чымало утекло». Ночь. Хозяева улеглись спать. Везде тихо. Мы поочередно собираемся на выгоне. «Це ты Йова? це ты Федько?... от и Тымиш… осьде й Микита… э, та вже нас гурток чымалый. Ну, постукаймо до Гершка». А пока мы складываем наши гроши на «тую ледащыцю». Наш запас сделан. Среди ночной тишины, раздается парубоцький хор:

Ой не спыться, не лежыться,

Ще й сон мене не Бере…

Пишов бы я до дивчыны,

Та не знаю, де живе… и т.д.

И идем мы дружно, презрительно посматривая на хаты, в которых стари спят, не догадываясь даже какою радостью пропитан воздух в эту ночь… А там, у Мотри уже блестят виконця – это наши девчата заходылысь коло печи. И какие все они прекрасные хозяйки, как дружно, как весело идет у них работа!

«Ой ты, дивчыно, ой ты горда, пышна,

Чом ты до мене з вечора не выйшла?»

Да, может быть, она бы и не вышла специально для кого-небудь из нас, потому что

«Неподоба зирци до мисяца та исходыты,

Не подоба дивци до козака та выходыты»,

но здесь, на складке они все в сборе, и мы уже забываем, что они бывают для нас «горди и пышни». И Марья, и Сыклита, и Катря, И Тодоська… но, важнее всего, и Гапочка здесь; она «як не выйде на улыцю – и улыця тыха». Идут разговоры, пение. Для многих, конечно, важно стать или сесть около той или другой, для иных это не особенно важно, для них все они более или менее милы, они с удовольствием дышат атмосферой молодости и стихийной, неопределенной любви.

«И зиронька зийшла,

И все поле освитыла,

Дивчынонька выйшла,

Козаченька звеселыла».

И действительно, весело, хорошо нам здесь. Убогий каганец (в то время керосин еще не был в ходу) освещает хату; его неправильное мерцание производит прекрасные световые эффекты, особенно когда он освещает лицо нашей Гапочки. Добрая треть нас влюблена в нее. Идут песни – и сколько немых, недоговоренных признаний влагается в них.

«Ты чорнява, ты билява,

Говоры зо мною,

Як не будеш говорыты –

Умру, серце, за тобою».

В девчачьем хоре при продолжении песни слышиш особенно отчетливо:

«Ой ты умрешь из вечора,

А я в три годыны –

Нехай же нас поховают,

Хоч у одний домовыни».

и идут дальше песни, и сердце как-то особенно сжимается при каждом куплете.

«На калыну витер вийе,

Калына не спийе –

Козак дивку вирно любыть –

Заняты не смийе».

Но мы засели за вечерю; среди бесед и шуток мы и не заметили, как наша вечеря съедена, наша горилка выпита. Разговоры ведутся смелее, более или менее маскируемые предпочтения обнаруживаются определеннее, кое-где сблизились плечи, наклонились друг к другу головы – благо, Павло своей сопилкой вызвал танцы и направил туда внимание общества… И проходит так ночь, приближается «день биленький» и возвращаемся мы по домам, не разделенные уже на парубоцкий и дивоцкий гурты, а смешанными группами, сообразно с нашим местом жительства. Кое-где звучат отголоски песен…

«Я на славу сама стану,

Славы не боюся –

З ким люблюся – обнимуся,

Ще й поцилуюся»… (Из песен, которые пелись в Маковищах).

И долго, долго звучит в ушах песня, и воспоминания, связанные с нею, наполняют сердце доброю, молодою, тихою радостью.

Но «не щодня – брыдня». Тяжелая сельская, рабочая жизнь. Борьба за

существование здесь не отвлеченная философская формула. Долю хлопця вот как рисует народная песня:

«Та изрис я в наймах, в неволи,

Та не знав я доли николы» (Из песен, положенных на ноты Каменецким).

Для дивчины – это отчасти напряженная работа на своем огороде, часто сапа по чужим плантациям свекловицы и т.д. «Без роскоши, без Любови зношу свои чорни бровы, у наймах зношу», – по словам Шевченка.

Но не даром народная песня воспевает тебя «молодосте-одрадосте, на серденьку своя воля». После тяжелого, трудового дня

«Ой и хто ж то, пане-брате,

Та по улоньци свыще?

То товарищ товарища

На вечорныци крлыче».

И не даром кличет он его.

«Мисяц над горою,

Дивки на улыци…

Гей доле, доле…

Дивки на улыци».

Но приходят жныва. Хотя по пословице только «цип робота, а коса охота», но и коса, и серп ежедневно – это уже не выграшки. Я слышал следующий рассказ про мазура (не знаю, почему именно про мазура). У мазура зародил прекрасный овес и «так-то вже шыбнула его охота выкосить той овес». Пристроил мазур грабки и пошел косить. Покосы ложаться прекрасные, что ни ступинь, то и сноп. Косил наш мазур до самого вечера, выкосил свой овес, откинул косу, лежит, еле дышет. Люди возвращаются с поля. «Люды добри! Перекажить моей жинци, щоб выслала за мною подводу. Та нехай высылае дви пидводы, бо я з тею шельмою косою на одним вози не поеду».

Да, не шутки эта коса и серп. Когда настанет их царство, – на поле все от мала до велика; солнце жжет немилосердно, сорочки темнеют от пропитывающего их пота, спины болят, не переставая, жажда томит день

деньской, только и слышно, что шелест созревшей соломы, падающей под натиском серпа или косы, да деловые рабочие разговоры. Пройдешь селом – оно как будто замерло, только малые дети вертят пятою раскаленную, рассыпающуюся землю, устраивая таким образом «Кыйив» (Детская игра, состоящая в образовании из подвижного слоя земли концентрических кругов), да старые-«старесеньки» диды и бабы то греют свое дряхлое тело непосредственно у источника земной жизни, то прячутся в холодках, посматривая на дитвору. Вся жизнь ушла в поле; оно поглотило ее до такой степени, что и наша улыця разбрелась и только кое-где дифференцированная, сосредоточенная любовь завлечет парня в клуню к любимой дивчине или где-небудь в «вишневом садочку» или у сельской изгороди увидите парубоцьку свитку, накинутую наопашки, покрывающую дивчину. Здесь уже исчезли жарты и грубые формы парубоцького заигрывания: в этой теплой атмосфере молодости и любви ведутся только разговоры полушепотом, да думается:

«Ой мисяцю-перекрою,

Зайды за комору, –

Нехай же я з своим мылым

Трохи поговорю».

Из этихто свиданий выносятся воспоминания:

«И нацилувався,

И намылувався –

Як у саду соловей,

Та й нащебетався».

Но настает осень с ее длинными вечерами. Полевых работ не то что много, – их уже слишком мало для нуждающегося в заработках селянина и наша сельская молодежь собирается на досвитки.

Там и сям в разных пунктах села отдельные хозяева «прыймают досвитки». Девчата сходятся на них с пряжею, мужская молодежь приходит для бесед с ними, прядение перебивается шутками, разговорами, которые затягиваются в позднюю ночь. Вносят солому, парни не без некоторых усилий побуждают девчат ложится вместе, и «ничь – маты» покрывает своим занавесом тайны молодых разговоров, сердцебиений и пожатий. Не больше. Таков обычай. Я знаю, что он представляется многим в извращенном виде, как бы означающим «с грубою разнузданностью», но для того, кто знает наших

сельских женщин (а все они бывали в свое время на досвидках) мысль о повальной их разнузданности представлялась бы крайне обидною, если бы она не была так смешна. Послушайте при случае, как спокойно, без всякого игривого намека или осуждения, рассказывают замужние женщины о своих дивоцких досвидках. Посмотрите, как иные родители, до крайности щепетильные по вопросам, связанным с девственностью их дочерей, преспокойно смотрят на их хождение на досвидки. Молодости и связанной с ней впечатлительности отводится в народном понятии известное, определенное место в известных границах и формах. В игре велыкодной показывают «як мылому постиль слаты», в народной песне (не помню, где слышанной) поется:

«Яку мени, моя маты,

Прынаду даваты?

– Стелы, доню, постиль билу,

Лягай из ным спаты».

Те же самые сельские женщины, которые спокойно посещали досвидки, вполне искренно скандализируются декольтированием дамских бальных нарядов, обычаем панов «водыться пид руки» и т.п. Я вполне уверен в том, что в нашем селе не найдется ни одной женщины-крестьянки, которая решилась войти декольтированною в многолюдное собрание. Все эти вопросы привычной формы, сущность же дела заключается в том, что спрос на впечатления данного порядка слишком силен для того, что бы можно было его замкнуть в строгие, риторические рамки.

Но возвратимся к нашему предмету. Если я успел сколько-небудь отчетливо передать наблюдаемое, отчасти пережитое мною, то для читателя станет понятна та стихия любви, среди которой вырастает наша сельская молодежь. Это и послужит нам к объяснению некоторых явлений, связанных с позднейшим семейным бытом.

Мне приходится теперь перейти к сватаньям, но прежде чем я это сделаю – я хочу сказать еще два-три слова о некоторых общих свойствах нрава парубоцького и дивоцького.

Кто сколько-небудь внимательно наблюдал сельскую жизнь, тот не мог не обратить внимания на некоторые специфические проявления парубоцького нрава, облекающиеся в грубые формы, сопряженные с нарушением общественного благочиния, а подчас и с деяниями, караемыми законом. Это тем более обращает на себя внимание, что наш сельский парубок

представляется обыкновенно не только добросовестным сотрудником в семейном хозяйстве, но и способен вообще к восприятию весьма тонких впечатлений. Как сельский хозяин, я имею давнее и частое деловое соприкосновение с парубоцтвом, которое является у меня то в качестве поденных рабочих, то в качестве годовых или летних наймытов, т.е. в тех именно условиях, в основе которых лежит антагонизм интересов, свойственный нашему современному хозяйственному строю. И что же? В этих именно условиях я научился ценить способность нашего сельского парубка к восприятию тонких впечатлений. Мне случалось вызывать румянец стыдливой радости простым «спасыби», обращенным к наймыту по поводу хорошо исполненной им работы. Не далее как в прошлое лето моим хлопцям и моей худобе пришлось произвести относительно много полевой работы. В течении лета я сказал раз, смягчая замечание полушутливым тоном: «Ну, хлопци, сегодня вы булы ледачи». Мои хлопци тоже улыбнулись, и я завел с ними посторонний разговор. После этого мне не пришлось ни разу не то сказать, но и подумать, что они ледачи. А как они были рады, когда оказалось, что они совершили больше работы, чем мы предполагали, так как мы узнали, что в данном участке больше земли, чем мы думали. Мне приходится часто удивляться той приятельской охотности, с которою они напрягают свой труд выше среднего в моменты усиленных полевых работ, осложняемые метеорологическими и тому подобными обстоятельствами. При расчетах с наймытами мне приходилось не раз исправлять свой счет в виду напоминания наймытом о взятых им и незаписанных мною деньгах. А вот факты другого порядка. Хлопец был в близких сношениях с дивчиною: она забеременела. Он засватал ее, несмотря на то, что стоял на очереди по отбыванию воинской повинности. Он чистил навоз в то время, когда я сказал ему: «Що ж ты засватався? Ну нехай Бог помагайе на все добре». Он поклонился мне обычаем, просящих благословения на брачный союз, и расплакался: «Хто его знайе, може я не вернусь з прыему, а самий дивчыни трудно»… Слезы перебили его речь. Трудовая, будничная обстановка этой сцены придавала ей особенный рельеф.

А вот другой случай. «Маты просылы, що б вы напысалы им прошение». Дело в том, что брат обращавшегося ко мне с этими словами стоял на очереди по отбыванию воинской повинности. Он был действительно слабоумен и несколько часов перед тем мать его красноречиво рассказывала мне, что он в виду его слабоумия пропаде, очутившись среди чужих людей и в чужих местах. «Я, бачыте, – продолжал мой собеседник, слегка краснея, – думав просыться, що б мене принялы на его мисце, а тим часом напышит прошенья, може его й не визьмуть».

А между тем, рядом со всем этим вы замечаете в той же среде проявления той грубости и нарушений общественного порядка, о которых я говорил. Прежде чем объяснять явление, я постараюсь описать его в нескольких словах. Начнем с самых мелких проявлений. Вы видите, напр., женскую молодежь, устраивающую игры на первый день Пасхи; вдруг кто-нибудь из парней то начнет «перекрывлять» женское сопрано, то бросит разбитое в игре «на убытки» яйцо в которую-небудь из соучасниц игры. Посмеяться над «дивчатами-овечками», подставить ногу так, чтобы дивчина споткнулась («пидчепыть»), а то и довести шутки («гранья») до такой бесцеремонности телодвижений, что предмет их приходит в гневное раздражение – дела, вызывающие одобрительный хохот среди мужской молодежи. А то пойдет она ночью в корчму, выпивает и бродит по селу, напевая охотно солдатские песни. Дела не особенно важные. Но рядом идут и другие проявления парубоцкого молодечества. То нападут они на какой-небудь сад или баштан, не стесняясь при случае напугать, а то и поколотить сторожа, зарежут где-небудь бродячую гуску и т.п. Сюда же относятся и обычаи так называемых «новобранцив». Выпивать и нарушать общественное благочиние во время близкое к набору – дело обыкновенное, хотя и не в одинаковой мере в разных селах. Там, где данный обычай проявляется с большею силою – поглумиться над проезжающим, обругать встречного, перевернуть в местечке на базаре или на ярмарке столик с булками, яблоками и т.п., расхитить эти ласощи – в порядке вещей. В иных местах торговцы подобными продуктами прекращают на базарах свою торговлю, раз на них являются новобранцы. Понятно, что при всем этом случаются и драки, что удаль молодецкая, разгоряченная в данном направлении, заходит иногда и дальше и ведет подчас отдельных лиц на скамью подсудимых то за нанесение побоев, то за присвоение ласощив (тарани, цукеркив) из склада какого-небудь сельского торговца. Таковы факты во всей их наготе. Конечно, более резкие из них исключительны, но я их привел для характеристики той почвы, на которой они вырастают.

Если взять во внимание ту тонкость впечатлительности, на которую я прежде указывал в той же общественной группе, то удовлетворяться обычным оханьем в виду нарушения общественной тишины и благочиния – конечно, не приходится, хотя это и составляет господствующий прием социологических исследований наших сюртуконосцев. Я слышал и речь прокурора, взывавшего к мечу правосудия для того, чтобы «приудержать нашу расходившуюся сельскую молодежь». Несмотря на то, я, в данном случае, подвергаюсь искушению попытаться объяснить явление вне данных, щедро заготовленных формул нашей домашней социологии.

Беседуя на данную тему с старшими крестьянами, вы услышите не раз осуждение распущенности «теперешней» молодежи, но не ошибайтесь: не думайте, что этим суждением исчерпывается их взгляд на данный вопрос. Здесь действует непривычка к полному формулированию теоретических взглядов. Деянья-то те или иные сами по себе не считаются похвальными, небесполезными считаются и те или иные меры к пресечению данных более острых проявлений, но в глубине сурового осуждения нравственной сущности молодого поколения нет и быть не может, как сейчас увидим. «Молодость – буйность» – да и только.

Когда-то, я помню, меня озадачил факт кражи гуски у соседа моею челядью, тем более, что соучастники деянья были мне знакомы, и знакомы, как добрые хлопцы. Гуска легла в основу пиршества, оживленного комическими вымыслами: пировавшие представляли из себя панов с лакеями, поварами и т.д. Факт обнаружился и послужил темою для бесед старших. Они осуждали подобные шалости, но в дальнейших разговорах пошли на воспоминания своих лет парубоцких-молодецких, а вместе с этим всплыли и рассказы о гусках, убиваемых на посевах и съедаемых, а то и юмористический рассказ о сжаренном в аналогичных условиях поросенке. После этого я стал внимательно прислушиваться к разговорам на подобные темы и заметил, что, начинаясь осуждениями, они всегда почти оканчиваются воспоминаниями о какой-небудь добыче на баштане, в фруктовом саду и т.п., причем отдаление во времени дает обыкновенно возможность живо, юмористически осветить рассказ. Мне случалось тоже бывать в составе присяжных в то время, когда обвинялись молодые люди за более резкие деяния в данном направлении. То были – по юридической номенклатуре – кражи со взломом. К преступлениям, подходящим под этот термин, присяжные-крестьяне относятся обыкновенно довольно сурово, в случаях же, о которых речь идет, само название похищенных предметов («сало, тараня, цукерки» и т.п.), их количество и лета подсудимых сразу освещают иначе факт. Без долгого предварительного рассуждения они все говорят о том, что нужно мягче формулировать вердикт. Взлом в этих случаях отвергается и присяжные-крестьяне склоняются охотно к самой мягкой формуле. Я помню тоже, как ахнуло наше село, когда мировой судья применил суровый закон к довольно многочисленному нападению с насилием нашего сельского парубоцтва на баштан.

Так относятся к данной категории явлений люди, стоящие близко к той группе населения, среди которой они встречаются. И какие это странные преступления, которые в той или иной мере совершаются почти поголовно в молодости, не оставляя глубоких деморализирующих следов в более зрелые годы? И какая это странная грубость нрава молодежи, которая не мешает

чередоваться ей с деликатностью чувств в молодости и не противоречит зарождению в более зрелые лета той спокойной звычайности, которая свойственна в такой мере украинскому люду?

Ключ к уразумению этих странностей заключается, мне кажется, в том, что в основе явлений, о которых идет речь, лежат не какие-небудь извращенные нравственные побуждения, а простой биологический факт обилия сил, свойственного молодости. Факт этот свойствен молодости вообще и проявляется на различных ступенях культуры в различных только формах. Молодое, жизнеобильное поколение с трудом примиряется с теми рамками, в которые втиснута обыкновенная общественная жизнь. Прюдомизм с его условною моралью раздражает своею банальностью молодой спрос на жизнь, и оттуда столкновения.

Перенесите эти побуждения в более культурную среду и посмотрите, какие услуги прогрессу мысли в новых поколениях отдает их стремительный натиск на отживающие доктрины и формы жизни, как с ним связывается отыскивание новых путей. Ту же психическую подкладку, несмотря на громадное различие форм ее проявления, имеют и те стороны парубоцкой жизни, о которой здесь речь. Молодая жизнеохотность, чувство обилия сил вызывает здесь также презрительное отношение к узкозаконченным формам жизни, спрос на жизнь вне этих форм, нетерпеливое желание борьбы, опыты испробовать свои силы, но недостаток культурной подготовки и иные условия современной жизни не дают возможности найти более благообразный исход данному психическому настроению. При общем, менее цивилизованном складе жизни подобного рода аспирации не в такой мере разногласят с общим ее характером и находит исход в каком-небудь гайдучестве и т.п., в старой украинской жизни – на Запорожье. Здесь не место распространяться о бытовых особенностях жизни «славного лыцарства», но несомненно, что с современной точки зрения мы найдем в ней очень много иррегулярностей, весьма сходных с общим характером той стороны жизни нашей сельской молодежи, о которых мы говорим. Иррегулярности эти, как известно, не мешали тому, что те же чубатые молодцы были способны на серьезные героические подвиги, что народные аспирации живее и чище представлялись на Запорожье, чем в других исторических группах населения, что эти «*łotrzyki*», были деятелями той «казацкой славы», которая по выражению исторической думы «по всему свиту дывом стала, по всему свиту разляглась, простяглась, луговым гомоном роздалась».

В современной жизни не может быть подобного рода исходов, остается рассчитывать на более прочный подъем ее под влиянием широкого распространения лучших плодов человеческой мысли; пока – нужно

рассматривать жизнь в том виде, в каком она есть, стараясь уразумевать ее смысл независимо от наших личных привычек. Смотря на жизнь нашей сельской молодежи с этой точки зрения нельзя ограничиваться улавливанием проявлений, шокирующих наши привычки. Молодая жизнеохотность ее проявляется не только в какой-небудь корчомной буче и т.п. Среди этих блужданий вырабатывается бессознательно привычка не смотреть на будничные интересы жизни, как на ее альфу и омегу, смотреть на них несколько свысока, вырабатываются чувства товарищеской солидарности и дружбы; и если в дальнейшей трудной мужицкой жизни сохраняется возможность отвлечься от ее будничной обстановки увлечься красотою, почувствовать альтруистические впечатления, то указанные здесь свойства свободной, товарищеской, парубоцкой жизни играют несомненно серьезную роль. Я знаю зрелых селян, у которых при случае разыгрывается презрительно-задорный нрав, которым случается прогулять в корчме, угощая встречного-поперечного, очень почтенные относительно деньги, а то и затеять драку и т.п. Эти же люди бывают в обыкновенное время мягки и уступчивы, способны поступиться своим, сделать соседскую услугу («кровь – говорят – не потече»), отзывчивы на более широкую мысль или более возвышенное чувство. Вот почему меня ни чуть не поражает, что парубок, сделавший накануне бучу, – обращается с дивчиною со всей нежностью, на которую способна молодость, и вполне основательно может обратится к ней словами народной песни:

Не зрадыв я никого,

Ни малои дытыны –

Не зраджу я и тебе

Дивки сыротыны.

Два-три замечания о дивоцком нраве. Прежде всего мы не можем не обратить внимания на впечатлительность нашей сельской женщины вообще и дивчины специально, на красоту предметов, попадающих под их зрение. Заметнее всего это выражается в их любви к нарядам. Посмотрите, какой это живой вопрос для дивчины «набрать спидныцю, пошыть курточку, купыть намысто» и т.п., посмотрите, как у девчат под влиянием этого чувства меняются моды. Посмотрите на наших сельских женщин на ярмарках в рядах, где продаются предметы женских украшений и уборов. Я был как-то раз в доме, где одна немолодая барышня, изобретательная в деле скопления денег, вывезла для перепродажи из Киева довольно красивые венки нового для данной местности фасона. Девчата, бывшие на работе в местной экономии,

собрались в девичьей, где барышня-спекулянтка высыпала на стол вывезенные венки. Нужно было видеть эти молодые, оживленные лица. «От серце… та й гарни ж…, а дайте ще цього подывыться…, почому воны, панно?» – посыпались возгласы со всех сторон. Маленькое зеркальце, висевшее там же, пошло живо в ход. В этом отношении наши сельские женщины довольно похожи на своих сестер из других слоев общества с тем однако различием, что последние смотрят на наряд, главным образом, как на орудие победы и потому скрытничают и завидуют, наши сельские женщины смотрят на него проще, как на красивый предмет. Конечно, не ставится ему в вину, если он приукрасит всю особу нашей восторженницы, но он – уже сам по себе мил за то, что ярок красками, красив формою. Когда прохожий разносчик («венкгер») развертывает свой скарб, то возгласы восторга вызывает не только то, что может годится для женского наряда; их достается столько же колоризированным иконам, картинам и т.д. С таким же оживлением говорят и о красивой обстановке дома, о цветнике, о вновь виденной красивой церкви, об улицах большого города, о какой-небудь торжественной и пестрой церемонии и т.п. Впечатлительность к красоте нарядов только одно из проявлений данной общей впечатлительности, и потому старики-крестьяне, смотря на пеструю, нарядную толпу девчат и молодиц, снисходительно и добродушно говорят: «Ну, що тепер хорошее ходять».

Экспансивные в данном случае – наши девчата дают волю этой экспансивности там, где молодежь мужская считает это неприличным; возможно, что они и живее чувствуют некоторые впечатления. Посмотрите, как товарки-дружки заливаются слезами, прощаясь с молодою при песне:

Прощай, прощай, товарышко,

Бо мы уже йдем,

И гулянья, дивуванья

За собою берем и т.д.

А сколько слез вызывают свадебные песни на свадьбе сироты? А то – зайдет к вам лирник; поет он то и другое – вдруг кто-небудь попросит «сироту». Девчата, присутствующие здесь, постепенно размещаются по менее заметным куточкам.

«… куды йдеш сыритко? – Матинки шукаты.

……..…...

Обизвалась з гроба йейи ридна маты:

– А хто ж то там плаче на мойему гроби?

– То ж то я, матинко; прыймить мене к соби».

Тут уже задерживающая сила перестает действовать, аккомпанемент лиры то и дело перерывается сдерживаемыми девчачьими рыданьями.

А сколько «щырых слез» пролили молодые соотечественницы «незабутного кобзаря» над его Катерыной? Сердечная впечатлительность, выражающаяся в этих случаях, согревает и отношения сверстниц. В девчачьем гурте вы легко заметите маленькую компанию, частенько пару девчат, почти неразлучных. «Це йейи кольекга», – говорят у нас. Недавно в соседнем селе умерла 18-летняя дивчина, дочь заможних родителей. «Кого тоби шкода?» – спрашивала мать. – «Мени ничого не шкода, мени тильки шкода мойеи кольекги, Оксаны».

Несмотря на все это, и девчата избегают проявления нежных чувств; добрый тон выражается в «насмишкуватом» несколько отношении к вещам и людям. Только меньшая жизненная опытность и энергия редко дает девчачий насмешливости тот рельеф, который она получает у мужчин; оттуда частые маломотивированные взрывы смеха среди гурточков девчачьих, которые и служат поводом к выражению: «девчата-овечки». Этот гордо-насмешливый тон удерживают они и по отношению к хлопцам, когда эти отношения гурта к гурту, или же и в единичных отношениях не только тогда, когда нет более определенного влечения, но и в последнем случае, пока оно ясно не очертится для обоих сторон.

Таковы в общих чертах стороны, связывающиеся в брачный союз, условия и характер их сближения.

Брачный союз обставлен обрядовыми формальностями сватанья и весилья. Об обрядности этой я не буду говорить, коснусь только тех сторон ее, которые имеют более прямую связь с современною семейною жизнью.

Сватанье чаще всего является формальным обрядом, так как парубок обыкновенно «допытуется слова» у дивчины раньше. Обрядность сватанья в моей местности значительно упростилась; тех обрядовых речей, которые записаны в «Маруси» Квитки, у нас не произносят или, может быть, уже не произносят. Сватанье оканчивается предоставлением последнего слова дивчины (в случае согласия родителей). Случается, конечно, что на содержание этого слова влияют прежде родители, как и на решение парубка сватать ту или иную дивчину.

С этим связывается вопрос: как объяснить то, что при общих условиях жизни нашей сельской молодежи, благоприятствующих развитию чувства любви, при интенсивности его, засвидетельствованной богатством народной песенности на любовные темы – случается и то, что парубок, пославший сватов к одной дивчине, в случае отказа переходит немедленно к другой, а то и к третьей. А парубок то этот ничем особенным не отличается от других.

Меня тоже поражало когда-то это видимое противоречие, но потом, присмотревшись ближе к сельской жизни, я стал, кажется, довольно верно уразумевать подобные явления.

Когда-то доверявшийся мне по многим вопросам своей жизни сельской парубок пришел ко мне посоветоваться на счет женитьбы. До того уже он мне неоднократно говорил, что в ближайшую осень он женится; теперь он пришел с тем же заявлением, прибавляя только, что он в недоумении, кого ему сватать. Он указал мне на трех девчат, говоря, что родители и родственники советуют ему взять такую-то (одну из них). – «А ты ж як думаешь?» – «Та мене и сюды, и туды думка шыбайе. И це славна дивчина, и то ничого, и та также. Мабуть, придется сватать Т.», т.е. ту из них, которую рекомендовали родители. Я не ожидал этого, так как с одной стороны я знал, что родители оказывали ему предпочтение и не решились бы особенно настойчиво стеснять его, с другой – я не замечал, что бы он когда-небудь, встречаясь с Т. на работах, ухаживал за нею сколько-небудь. Состоялось сватанье, в котором и я принимал участие, и молодые люди были видимо довольны собой. Раз, засватавши Т., мой знакомый при встрече с ней начал ей оказывать предпочтение, заигрывать и вообще ухаживать за ней. Другой мой знакомый через неделю, кажется, после отказа одной дивчины, засватал другую. Я не имел случая наблюдать их отношения в промежуточный период между сватаньем и браком, но с первых же дней брака у них установились хорошие отношения, и они составляют одно из лучше живущих между собою супружеств.

Присматриваясь к подобным случаям и сопоставляя их с условиями жизни сельской молодежи, – мы склоняемся к заключению, что в этой жизни значительное место отводится стихийной, недифференцированной, так сказать, любви. В моих предыдущих заметках о собраниях сельской молодежи – я старался указать, как рядом с определенными предпочтениями идет общий, стихийный спрос на любовь, присущий молодости. Красота женщины (я понимаю здесь не только внешнюю) проявляется нескончаемо разнообразно: там вас прельщает сосредоточенная задумчивость, там сияющая жизнерадостность, там мягкая доброта, там тонкий ум, пробивающийся искусно среди трудностей жизни и т.д. Ограничить сферу женской красоты

каким-небудь одним типом так же односторонне, как, напр., ограничить красоту пейзажа местностью исключительно гористою или исключительно ровною, исключительно мрачною, или исключительно веселою и т.д. Все мы испытываем по временам неопределенное увлечение красотою не той или иной женщины, а женщины вообще; в молодости впечатления эти, подогреваемые силою полового влечения, конечно живее, и потому для меня вполне понятен на наших сельских вечерницах, особенно при меньшей воспитательной дифференциации их участников, неопределенный, тем не менее сильно возбужденный стихийный спрос на любовь. Самомалейший толчек при этих условиях определяет направление данной потребности душевной и телесной, и таким образом мне становится понятно, что парубок, не оказывавший накануне сватанья предпочтения известной дивчине, после сватанья с доброй искренностью ухаживает за ней.

Так, мне кажется, понимал и Шевченко то, что я называю стихийною любовью. В его лирических местах, там «кари очи, вишневый сад зеленый, ласки дивочи» и т.д. чем определенные единицы. В «Наймычке» вот как определяется потребность женитьбы Марка:

Уже Марко чумакуйе,

Вже в осели не ночуйе

Ни пид хатою, ни в хати –

Кого небудь треба сватать.

Интересно, что и в личной жизни самого поэта мы встречаемся с отголосками этого сельского мировоззрения. Так, в более поздние уже годы, после возвращения из ссылки, мечтая о своей хате и семье, он поочередно делает предложения разным лицам то сам (Катруся – в Саратове, кажется, Ликера), то поручает родственнику своему Варфоломею отыскать для него «сыроту и наймычку», то переговорит с Харытою, которую Тарас завидел у Варфоломея, несущую товч для кабанов. Конечно, здесь проявляется и доверчивая доброта, и личная мечтательная впечатлительность, но нельзя не видеть и влияния той народной жизни, среди которой он вырос, с которою ничто не могло разобщить его и которую он так горячо воспел своими «слезами-словами».

Но рядом с этою стихийною, неопределенною любовью – идет и сосредоточенная, дифференцированная. Я не умею определить в каком процентном отношении сближает та и другая отдельные пары. Мужик по этим вопросам не словоохотлив. «Це вже я тильки буду знаты», говорила любимая

женщина моему знакомому, напоминавшему ей свои излияния. Скорее вы услышите рассказ о расстроившихся любовных отношениях, чем обратное. «Як я зачув, що Сыклыту засваталы, мени здалося, що земля пидо мною провалюеться», – говорил мне один парубок, товарищ моих молодых лет. После я наблюдал отношения знакомого мне парубка С. к дивчине нашего села М. В голубых глазах С. виднелась вообще склонность к тихому восторгу. Я помню, как над ним посмеивались, что, увидевши на ярмарке необыкновенно красивую молодицу, он окончательно растерялся и, засмотревшись на нее, совсем позабыл о своем ярмарочном деле. Так он впоследствии засматривался на М. Я помню – семья М. и семья С. копали у меня бураки; их постати были близкие. С. был плохой работник в данном случае в своей семье; когда ни придешь, – увидишь его на соседней постати; то подкапывает он там, то чистит бураки, то подносит на мерницу. В Фоме этих хозяйских деяний изливались его чувства. Но

«Не вси ти сады цвитуть,

Що на весну развиваются –

Не вси тии винчаются,

Що любятся та кохаются».

У С. была внешняя причина, расстроившая его любовь. Брат С. был женат на сестре М., что и составляло непреоборимое каноническое препятствие. С. далеко не какой-небудь богатырь, но он предлагал местному священнику 100 руб. за то, что бы он обвенчал их. Священник отказал. Потом обыкновенный ход вещей взял свое. – М. вышла замуж за другого, С. женился. Дело это было каких-небудь полтора десятка лет тому назад, но я недавно встретил С. в одном обществе. В обществе пели; когда запели только что цитированную песню «не вси тии сады цвитуть», С. задумался и с выражением глубокого чувства сказал: «Тому й правда, що в писни спивають».

Правдив бывает и следующий куплет:

Любыв тебе дивчыною,

Люблю тебе молодыцею, –

И еще буду сим рик ждать,

Може станешь удовыцею.

Я знаю и такой случай. Ждал и дождался. Я мог бы значительно

умножить число этих примеров, но не в них суть. Мне хотелось только указать на то, как в народной среде рядом со стихийною развивается и дифференцированная любовь. Мне кажется, что последний тип усиливается в народной жизни.

Между делами, рассматриваемыми в волостных судах, случаются довольно часто дело об убытках на сватанье. Обыкновенно родители заявляют, что они готовы сдержать слово, но дочь поразмыслила. Традиция сталкивается здесь с личным выбором прямо заинтересованной стороны. (Убытки обыкновенно присуждаются). В связи, мне кажется, с этим периодом колебания между традицией, основанной на понятиях стихийной любви и усиливающейся дифференциацией единиц, находится и явление, которое я замечал довольно часто в последние годы. Побрачившись, молодые часто расходятся на некоторое время. Явление это объясняется, кажется, тем, что традиция, основанная на том, что я называю стихийною любовью, довольно сильна для того, чтобы завязать брак, но более сильно развивающаяся дифференциация единиц вызывает определенные личные требованья, нескладывающиеся в рамки традиции – отсюда нетерпение и разрыв. Но другая, более сильная традиция делает слишком трудным положение разошедшихся («свит им завязанный»), и они после розмысла, пообрезав свой спрос на личную жизнь, сходятся обратно.

Но говоря о любви до брака, нельзя не упомянуть о случаях, когда брачные отношения антиципируются любящейся парою; оканчиваются они обыкновенно формальною легализациею. Соображение о том, что «на козаку немайе знаку» играет, конечно, некоторую роль в жизни парубоцтва, но так как часто бывает, что «хоч коханьячко не зродыться, то черево заводыться», то сознание ответственности в виду данного факта составляет решающий момент и принимает готовую форму легального брака.

Я знаю много таких случаев. Действует здесь, впрочем, и личное влечение:

«Тыха вода береженьки зносыть,

Ой там козак свого пана просыть:

Пусты мене, пане, на ту Украину,

Пыше дивка лысты, що мае дитыну.

– Можеш цю провыну на иншого здаты.

– Не можу я, пане, буде Бог караты.

Прыйизжае до свитлыци, Билый день свитае,

Ввийшов у свитлоньку – дивчына вмырае,

Дивчына вмырае, дивчына хворуе,

Упав на колинця – дивчыну цилуе».

При таких условиях неудивительно, что до обострения, выраженного словами:

«Визьмы соби, козаче, дитыну,

Бо далеби на покос покину»

доходить очень редко. Напротив, – я знаю много случаев, когда дивчина защищала виновника факта от подозрений, что не помешало ему свободно, вне натиска женится на ней.

Бывают замечательно упорные умалчивания; часто в селе (а в селе секретничать трудно) так-таки никто не знает «од кого найшлась дитына». Подобные умалчивания являются, конечно, чаще в тех случаях, когда действительные или мнимые причины делают невозможной легализацию отношения, а для другого исхода, обеспечивающего существование дитяти, нет смелости или же средств.

В этих преимущественно условиях являются покрытки.

Судьбу покрытки живо и с горячим человеческим участием изобразил наш великий певец и великий знаток народной жизни – Шевченко. Уже частое возвращение в разных местах к этой теме у Шевченко, указывая на данный вопрос, как на наболевшие место, не позволяет нам сомневаться в общей верности изображения того сурового взгляда крестьянской среды в его время, который преследовал такую мученицу.

И действительно, отголоски этой суровости слышаться в известной мере и до настоящего времени: редкая дивчина не побледнеет, когда ей определенно представится возможность остаться покрыткою; слово байструк употребляется в смысле бранного слова; я знаю случай, когда отец не дозволял сыну женится на дивчине, потому что она «самосийна»; процессы о детоубийстве в интересах скрытия факта деторождения омрачают до сих пор от времени до времени судебную хронику, но в общем суровость, вызывающая эти гнусные факты, с течением времени ослабевает. На это, между прочим, обратили мое внимание женщины, вышедшие из крестьянской среды, и утверждающие, что Катерина или Наймичка Шевченка в

современной жизни не имели бы достаточно реальной подкладки. Мне случалось встречаться в крестьянских обществах с покрытками; я не замечал ни малейшей разницы в обращении с ними и с другими женщинами. Когда они потом выходят замуж, то положение их дитяти, прижитого прежде с другим лицом, ни чем в сущности не отличается от положения пасынка вообще. В духовных завещаниях и в пересмотренных мною решениях волостных судов к имущественным правам пасынков законнорожденных и незаконнорожденных относятся, по-видимому, одинаково, но об имущественных правах речь впереди. А вот рассказ, сообщенный дивчиною, об отношениях покрытки к дитяти: «Дивка привела дитыну и сказала баби (повивальной), що хоче ту дитыну втопыть. Баба каже: добре, тильки як пийдеш топыты, трейчы окрунысь, трейчы поцилуй дитыну в губы и щички, погодуй ее, а тодди вже топы. Баба прыбрала дитыну. Пишла дивка до ричкы, зробыла все, як ей казано, та не топыла вже дитыны; вернулася з нею, а баба каже: а бач, суко, – свое дытя, та хтила стребыть».

Об обряде весильном, чрезвычайно интересном и многократно описанном, я умолчу. Я хочу только указать на модификации в одном из обычаев, переданных стариной. Я говорю о брачной экспертизе, имеющей в виду проверить девственность молодой. Если бы было дозволено на основании общего, так сказать, чутья жизненных явлений известной этнической группы без более специальных соображений строить гипотезы о зарождении известных обычаев, – то я бы сказал, что данный обычай при своем зарождении не имел в виду данной проверки, что фактический брак отличается от союза, признаваемого обществом, только публичным признанием факта, какое и составляло его санкцию, откуда и зародились – при общей грубости нравов – публичное представление вещественных доказательств совершившегося факта; что впоследствии, под влиянием другой культуры, данный обычай был утилизирован в интересах проповедываемого ею ригоризма.

Так или иначе, но долгие века он держался в смысле присвоения себе обществом права контроля над самыми интимными сторонами жизни единиц, и то в такой именно сфере явлений жизни индивидуума, которая не соприкасается, собственно говоря, с интересами общества. В этом смысле передан данный обычай и нашему времени, и потому мне кажется очень интересным вопрос о модификациях его, совершающихся на ваших глазах.

Известно, какие оскорбительные для молодой и ее родителей песни и обряды передала данная традиция в случае, если весилья окажется негарным. Но традиция эта слабеет. Мне случалось бывать на свадьбах, в которых молодая оказывалась недевственною. В последнее пятнадцатилетие в моей

местности я не встречал подобных песен и обрядов; если какая-небудь более выпившая баба по старой памяти пробовала мурлыкать песню из данного цикла, то ее сейчас же зацытькалы. Обратно, – я видел усилия со стороны родителей и родственников молодого успокоить волнение по этому поводу. На одной свадьбе молодая не допустила дела до выхода в комору и тут же попросила прощения у родителей молодого. Этот исход, как ни тяжел он, или лучше так, как он тяжел, – хвалится по традиции и по ней же устраняет дальнейшее обострение обряда. Мать сказала: «Нехай тоби Бог простит; весилья один день, а вам прыйдется жить весь вик» и благословение закончила словами: «Перепросы людей». И пошло это перепрошуванья, обращаемое ко всякому из присутствующих поочередно. Тяжелое впечатление обряда смягчалось однако значительно поведением публики; все говорили в успокаивающем тоне, но мое внимание особенно было занято великодушием поведения некоторых более или менее давно замужних женщин. «Отже ж и я була така, а про те, дай Боже усякий так прожыты, як я живу з своим». В другом подобном случае не были приняты меры подобной публичной исповеди. Молодых завели в комору, а довольно многочисленная публика, преимущественно женская, оставалась в хате. Продолжительность отсутствия молодых подсказывала публике, что дело не клонится к вывешиванию красного пояса на хате. Родственники молодой видимо волновались, родственники же молодого вели главным образом разговоры, имеющие в виду успокоение. «Це пусте – хиба мы не булы молодымы» – говорил почтенный старик, отец молодого. В подобных разговорах и утонул вопрос; публика мало по малу стала расходиться. Независимо от этого в моей местности начинается усиливаться один вид обхода. После некоторого времени удаления – молодой заявляет кому надлежит о своей немощи в данное время, молодая о своей девственности, и далее идет весилья с красными поясами, лентами и вообще со всей подобающей веселостью. Предание гласит, что устроение «гарного весилья» в случае если заявление молодой неверно – влечет за собой несчастье для дома, но во многих по крайней мере случаях ни более молодые, ни старики не придают, очевидно, ему серьезного значения. Я знал старика, отца новобрачного, который остроумно посмеивался над мнимою немощью и вполне спокойно устраивал гарне весилья. Случается и так, что более старого закала отец смущается долгим непредставлением новобрачными вещественных доказательств, сюда относящихся.

Редко, но тем не менее бывают уже попытки не какими-небудь обходами, а просто, принципиально устранить из свадьбы весь данный обряд. В одном случае отец новобрачного, когда дело по ходу свадебных порядков приближалось к данному обряду, заявил публике, что она может теперь расходиться. В публике были недовольные, но старик настоял на своем. Я

знаю случаи подобных заявлений со стороны молодого. В одном случае вышло несколько комично, так как молодая, воспитанная в данной традиции, боясь подозрений, настояла на свершении обряда – с результатом, разумеется, желательным по традиции. В другом – обряд был устранен; правда, более пожилые родственницы молодого были им очень недовольны.

Таким образом, мы видим по отношению к данному обряду и смягчение суровости взгляда, обусловливающее его значение, и скептицизм, выражающийся в разных обходах и прямой протест. Обряд – к чести развивающейся народной мысли – клонится, очевидно, к упадку.

Говоря все это – я имею непосредственно в виду мою ближайшую местность, но дело в том, что преобразования народного мировоззрения идут, кажется, в главных чертах в одном и том же направлении, но не с одинаковой скоростью по отдельным вопросам. Так, не выходя за приделы обитаемого мною Сквирского уезда, есть местности, где данный обряд держится, по-видимому, со всей суровостью. Однажды, во время сквирской сессии окружного суда – подсудимая, желая указать на половую немощь мужа, настаивала в вопросах, обращенных к бывшему весильному старосте, на то, что он должен был в первую брачную ночь исполнить функции, припадающие новобрачному. Свидетель смутился. Присяжные крестьяне подсмеивались над его смущением, и один из них сказал серьезно, что ему нечего смущаться, что «у нас такой закон», что в случае надобности весильный староста должен «добуть весилья». В ближайшей моей местности я расспрашивал стариков, бывает ли или бывало ли у нас что-небудь подобное – они отвечали отрицательно.

Ф.Р.

(Продолжение следует).

Текст до другу підготувала

Наталя Побірченко